

MEN'S GILLETTE, STORY

BLADEFREGA

MEN'S GILLETTE, STORY

— Энцо, — сказала моя мать отцу, — надо отдать его в интернат.

Я больше не справляюсь с Нандо.

Управлять им невозможно.

И хуже того — он непредсказуем.

Она помолчала.

— Знаешь, что он сегодня натворил?

— Нет. Расскажи.

— Он был со мной в лавке, и, пока я не видела, длинные ножницы исчезли.

Те, которыми я режу ткань.

Тридцатиметровые рулоны ткани.

Пришлось взять запасные.

Я искала почти час.

А потом увидела, как он возвращается.

Спокойный.

Улыбающийся.

С ножницами в руке.

Отец поднял глаза.

— И где он был?

— В баре.

— И что делал?

— Нашему сыну пять лет, Энцо.

Ты его отец.

Попробуй взять на себя хоть какую-то ответственность, вместо того чтобы ржать как идиот.

Я тревожусь.

Что из него выйдет?

Мать была напугана.

Однако вернулся я не один.

Со мной пришёл Рокко Пиццименти, хозяин бара «Орфео».

Он хохотал так, что едва держался на ногах.

По словам Рокко, ему частенько нравилось звать меня рогоносцем.

В тот день я решил закрыть вопрос.

— Знаете, что он учудил? — сказал Рокко.

— Пришёл в бар с этими ножницами.

Чтобы перерезать мне глотку.

Я держался поодаль и продолжал над ним потешаться.

Всё заведение смеялось.

Но он не сдавался.

В конце концов его пришлось оттащить.

Отец смеялся.

Рокко смеялся.

Посетители смеялись.

Я — нет.

В итоге Рокко перестал звать меня рогоносцем.

Вот тогда он и понял, что я не совсем то, чего он ожидал.

Моя мать пришла к этому выводу куда раньше.

На следующее утро она отвела меня прямиком в интернат.

Сёстры святого Викентия.

Вступительный взнос и годовую плату она внесла одним платежом.

Страховка.

На случай моего возвращения в течение сорока восьми часов.

Ещё она достигла частной договорённости с матерью-настоятельницей относительно моего дальнейшего содержания.

Мой отец был торговым представителем.

Мать-настоятельница была неаполитанкой.

Оглядываясь назад, скажу: сочетание отца-коммивояжёра и матери-настоятельницы из Неаполя объясняет

почти всё, что последовало дальше.

Не привлекая особого внимания, отец позаботился и о том, чтобы в монастырь бесперебойно поступали

рекламные материалы Gillette.

В особенности полиэтиленовые пакеты.

Пятьсот коробов.

В те годы они ценились на вес золота.

Достать их было трудно.

Дорого.

Незаменимо.

Сёстры их обожали.

Как только запасы подходили к концу, звонил телефон.

Мать-настоятельница Мария Франка из Форчеллы.

— Синьор Фрега, может, заглянете поздороваться?

Тогда-то я и усвоил важное различие.

Есть приветствие духовное.

И есть приветствие светское.

Однажды директор по продажам Раффаэле Ди Туллио позвонил домой, разыскивая отца.

К его несчастью, он его застал.

— Фрега, доброе утро. Как поживаете?

— Хорошо, доктор. Благодарю. Но это ведь не звонок вежливости.

Говорите.

— В головном офисе всем любопытно.

Нам хотелось бы понять, каким образом один торговый представитель умудрился израсходовать тридцать процентов всего

рекламного материала, распределённого по Италии.

Чистое любопытство.

Не более того.

Мы отгрузили вам без малого тридцать две паллеты полиэтиленовых пакетов.

Нам интересно, как идут дела.

Не дела Gillette.

Пакетные дела.

Вы их продаёте?

Извлекаете прибыль?

Или всё же соблаговолите объяснить, что именно происходит?

Отец не колебался.

— Я помогаю Ватикану.

У них ограниченные средства.

Никакого бюджета.

Сёстры святого Викентия в Реджо-Калабрии, где растёт мой сын, попросили о небольшом

участии в их благотворительных трудах.

Как вы меня и учили, доктор, огласке я эту инициативу не предавал.

Я знаю, что вы предпочитаете, чтобы такие вещи делались тихо.

Никакой рекламы.

По-джиллеттовски.

Молчание.

Долгое молчание.

Наконец:

— Хорошо, Фрега.

Я пришлю ещё материала.

Восемь лет сёстры не купили ни единого полиэтиленового пакета.

Один вопрос остаётся без ответа.

А что, если бы они превратили всё это в дело?

Они были монахинями.

Но они были и женщинами.

Никто не проверял.

Первые месяцы в интернате принесли по меньшей мере три происшествия, которые сёстры сочли

глубоко возмутительными.

Мне они казались совершенно обычными.

Первое случилось во время игры в прятки.

Стоило нам заиграть, как я неизбежно оказывался в личных комнатах сестёр.

Мне было любопытно.

Я хотел увидеть, как монахини выглядят без покрывал.

Величайшим моим открытием стала сестра, обритая почти наголо.

После этого всякий поисковый отряд начинал с одного и того же предупреждения.

— Смотрите везде.

Этот бес может прятаться где угодно.

Я стал их кошмаром.

Чувство было совершенно взаимным.

Второе происшествие случилось на утренней мессе.

Каждый день в половине одиннадцатого дети выстраивались в ряд, покидая часовню.

Сестра протягивала чётки и задавала простой вопрос.

— Кто самое могущественное существо на Земле?

Все давали положенный ответ.

— Иисус Христос.

А потом целовали чётки.

Однажды утром я внёс в обряд небольшую поправку.

Вместо чёток я поцеловал рясу сестры.

А потом сказал:

— Мой папа говорит, что женщины могущественнее Бога.

Реакция была мгновенной.

Родителей вызвали ещё до обеда.

Заведение желало изгнать беса.

Достаточно щедрый чек превратил грех в озабоченность.

Озабоченность рассеялась на удивление быстро.

В чеке было шесть нулей.

Старые итальянские лиры отличались большой убедительностью.

Годы шли романтично, под защитой невинности.

Праздники с тортами были попросту случаем поесть даром.

Театр был случаем сказать правду.

Всякий раз, играя принца, я сообщал зрителям, что принцессу целовать не следует, потому что

она уродлива и страдает дурным запахом изо рта.

Учителя были иного мнения.

В конце концов настал пятый класс.

А затем выпускной экзамен.

Один из членов комиссии позволил личной мысли выскользнуть в общее пространство.

— Наконец-то.

Мы от него избавляемся.

Всё казалось решённым.

Всё казалось законченным.

Я ждал тридцать лет.

А потом вернулся.

Я разместил заказ на бритвенные лезвия Gillette.

Оплата вперёд.

Никто так и не спросил, как подобное вообще стало возможным.

Прошёл шестьдесят один год.

Вопросы остаются и сегодня.

Недавно моя дочь посмотрела на меня и сказала:

— Прости, Нандо.

Я не зову тебя папой.

Но кто ты, чёрт возьми, такой?

А.

Ахахахах.